

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАБОТЕ

(ИГУМЕН ЕВМЕНИЙ. «ПАСТЫРСКАЯ ПОМОЩЬ ДУШЕВНОБОЛЬНЫМ».

Христианский собеседник, вып. 48, Макариево-Решемская обитель, 1999)

МОНАХИНЯ МАРИЯ (БОРИСОВА)*

Давно миновали времена книжного дефицита, российского читателя трудно поразить чем-то новым. Магазины ломятся от разнообразных книг по психологии, церковные лавки переполнены всяческими сочинениями духовного содержания. Однако в этой атмосфере пресыщенности, да еще в разгар летнего «мертвого» сезона книга игумена Евмения «Пастырская помощь душевнобольным» стала настоящим бестселлером. С первого взгляда причину этого найти нелегко: малоизвестное имя, неброское оформление, судя по названию что-то вроде популярного учебника по малой психиатрии. На какие же надежды и чаяния явилась книга иг. Евмения долгожданным ответом?

Вот что пишет Йорг Мюллер – немецкий теолог и психотерапевт в своей недавно опубликованной на русском языке работе «Бог Он иной»: «Чаще всего врачебная и психиатрическая практика и сегодня еще оставляет вне поля зрения одно из важнейших условий излечения человека, а именно – примирение в общем комплексе: примирения с самим собой, с людьми и с Богом. Тот, кто отбрасывает духовное измерение, никогда не добьется подлинного, глубинного исцеления. Признавая все несомненные достоинства подготовки медиков и психологов, следует все-таки отметить, что никто не учит студентов видеть истинную суть всех проблем и класть ее в основу своего лечебного метода» (Мюллер, 1998, 122 с.).

Развитие гуманистической психологии, направленной на

---

* Матушка Мария, Софийская Церковь.

самореализацию человека, обилие психологических школ и высокоэффективных профессиональных методов, увы, не сделало человека счастливее. Психологи, если они достаточно честны с собой, должны признать наличие некоторого противоречия внутри гуманистического подхода. С одной стороны, клиенту помогают отреагировать все неприятные эмоции, не прячась за защитными барьерами (Кондрашенко, Донской, 1997), принять себя и всю свою жизнь в целостности (Роджерс, 1994). С другой стороны, в большинстве случаев – старательно скрывают за барьером самый очевидный факт, напоминающий о себе ежечасно: неизбежную перспективу собственной смерти. Глобальный вопрос смысла человеческого существования неустанно разбавляется поиском индивидуальных маленьких смыслов, играющих роль как бы местного обезболивания. Не в этом ли признается Ирвин Ялом: «Наша жизнь, наше существование приговорены к смерти, в которую мы не хотим верить, к любви, которую мы теряем, к свободе, которой мы боимся и к опыту, который нас разделяет» (Ялом, 1997, с.22)? «Доктор, который мало заботится о духовной стороне заболевания своего пациента, как правило, не просто пытается избежать этого во имя науки или "нейтралитета", а поддается уже веками практикующемуся разделению сфер влияния между церковью и медициной. Но сегодня это разделение уже не срабатывает. Обе стороны – и духовник, и доктор – не выдерживают односторонней нагрузки». Это пишет о. Йорг (там же), принявший монашеский постриг после нескольких десятилетий психотерапевтической практики.

У игумена Евмения – путь иной, хотя и подобный до зеркальности, – после десятилетнего священнического служения он обращается за помощью к психологии. «Но к чему знание низшее, человеческое там, где должна действовать лишь Божья благодать? Разве любой священник не может выполнять обязанности психотерапевта, основываясь на аскетике, нравственном богословии и учении святых Отцов?»¹ Духовная помощь, оказываемая на исповеди умелым священником, "вскрывающая раны и греховные наросты" (Белорусов, 1999, с.156) – не превыше ли всяческой психотерапии? В конце концов, история церкви знает великих Оптинских старцев, окормлявших страждущих безо всякого психологического образования». Так рассуждают в наше время многие, в том числе и психологи, недавно переступившие порог церкви и в «неофитской пылкости отвергающие свой профессиональный опыт» (иг. Евмений, 1999).

Но в аргументах, направленных против использования «мирского знания» в пастырской деятельности, легко заметить весьма существенную подтасовку. Сперва, полная пафоса, речь идет о великих старцах или о высоко духовных опытных священниках, – но в какой-то момент незаметно соскальзывает в наш, современный церковный обиход, где не

¹ При этом никогда не указывается, как именно он должен это делать.

только старцев, но и сколько-нибудь умелых священников раз-два – и обчелся. Часто ли в нашей церковной практике имеют место беседы с духовником, «вскрывающие душевные наросты»? Как правило, прихожанам даются указания перечислять грехи «по их названиям», не вдаваясь в «несущественные подробности», дабы «не путать исповедь и духовную беседу». А чаще всего – дослушают на исповеди перечень грехов до конца – и то, считай, повезло с духовником. И можно сколько угодно толковать, что это неправильно, надо бы по-другому... Любим мы проводить жизнь в таких беседах – и в политике надо бы иначе, и в экономике, и в педагогике. Но, быть может, плодотворнее обсудить вопрос, что делать, исходя из того, что мы имеем в действительности?

А оптинских старцев у нас, увы, уже нет и традиция их воспитания (а это была именно традиция, старцев десятилетиями выпестывали старцы же, выбирая из монастырской братии наиболее к этому способных) – безнадежно прервалась. И почти все мы нынче в церкви ровесники, образца 1988 года, и пастыри, и пасомые. И опыт наш духовный, почитай, что из одних и тех же духовных книжек почерпнут.

Итак, коренные русские вопросы «что делать?» и «с чего начать?» задает себе каждый труждающийся в области душепопечения, будь то психолог или пастырь – при условии, конечно, если состояние душ пациентов и прихожан действительно их тревожит.

«Односторонней нагрузки не выдерживает никто», нужен новый синтез. Так что же мы имеем на сегодняшний день в психологии и в церкви, пригодного к этому синтезу? Большое количество молодых, хоть и неопытных, но искренне верующих служителей церкви, к которым прихожане чаще всего обращаются за психотерапевтической помощью. Большое количество молодых психологов и психотерапевтов, искренне желающих облегчить боль своих клиентов и угадывающих в церковных таинствах еще не ведомые для них, но манящие и бездонные источники исцеления.

Итак, успех книги игумена Евмения вполне закономерен. Это первая и долгожданная монография направления, выстраданного многими, – *религиозно-ориентированной психотерапии* или, в большей степени, *психологически-грамотного пастырства*. По самому названию, работа молодого священника не претендует на глобальный охват – это всего лишь описание акцентуаций характера и некоторых психозов и рекомендации по учету их особенностей в церковной практике. Однако целина, за которую принялся автор, настолько нетронута и жаждет пахоты, что первая же его работа не вместились в заранее намеченные рамки, она содержит гораздо больше материала, чем обещано названием.

Ценным пособием, я надеюсь, станут для большинства добросовестных пастырей разделы книги, касающиеся различий в темпераментах прихожан, процессов переноса, психологической защиты, активного слушания и основных законов лингвистики. Это все, так

сказать, психологический ликбез, в котором отчаянно нуждается современная церковная жизнь. Ведь даже очевидная истина, что все люди – разные, прихожанами и пастырями сейчас нередко игнорируется.

Огромные усилия прилагаются в приходах и монастырях для «психологической ломки себя под один-единственный (якобы православный) тип темперамента – меланхолический», для ломки в себе от Бога данных неповторимых особенностей собственной личности (*там же*, с.59).

Многие нежелательные и даже пугающие явления современной церковной жизни, рассмотренные иг. Евмением с психологической точки зрения, получили, наконец, разумное объяснение. Осознанные и объясненные, они уже не выглядят столь фатально. Печально известное обрядоверие является, по мнению автора, следствием тревожно-мнительного характера психастеника: «скрупулезнейшее соблюдение церковного устава, даже если при этом грубо попираются принципы любви и взаимоотношений, становится той платформой, на которой реализуется его самость» (*там же*, с.95). В некоторых приходах и монастырях, к сожалению, весьма распространено увлечение «поиском врагов». «Нездоровое противопоставление себя или группы близких себе лиц "масонам", "колдунам" и "экстрасенсам" часто является результатом заражения всего прихода параноидальным бредом от одного или нескольких больных прихожан, выдающих себя за опытных церковных старожил» (*там же*, с.114). Автор не ограничивается констатацией «заразности» некоторых психических заболеваний, но приводит правила «техники безопасности» для ограждения пастыря и других прихожан от заражения, а также рекомендации по реабилитации душевнобольных с различными отклонениями в условиях приходской жизни.

На серьезные размышления наводит небольшая глава, посвященная душевному потребительству – образованию эмоциональной зависимости клиента от психолога, прихожанина от священника. «Узел подобных отношений», истощая душевные силы пастыря, пагубно отражается и на его подопечном, снижает его творческий потенциал, ограничивает возможности к подлинному сотрудничеству. В атмосфере всеобщего бегства от личной ответственности, от авторского права на свою жизнь («партия – наш рулевой», «я – как все» или «как благословите, батюшка» – какая, в сущности, разница?), так свежо и отрезвляюще звучат слова иг. Евмения: «Безусловно, жить, душевно повиснув на другом человеке, в данном случае на священнике, гораздо легче, чем самому преодолевать груз внутренних конфликтов и душевной неуравновешенности. Но именно в поведении человека к принятию ответственности за свои поступки и за конечный итог своей жизни видится правильный итог отношении пастыря с духовным чадом» (*там же*, с.346).

Автор словно захлебывается обилием психологических знаний и впечатлений, которыми стремится поделиться с читателем. И читается

книга так же – захлеб и с нетерпением – изголодавшимися от жажды, настрадавшимися от незнания и непонимания простейших психологических закономерностей, бьющимися в одиночку о стену своих сомнений. К работе иг. Евмения мы будем обращаться снова и снова. Ее недостаточно прочитать, ее надо постоянно держать под рукой как единственный пока в своем роде справочник по психологии приходской жизни. В книге много длинных цитат, иногда кажется, что из цитат состоит вся ее ткань. Но каким-то образом собственный стиль автора, его голос, пробивается сквозь все цитаты. Это голос человека, с которым хочется вместе работать и размышлять.

От книги иг. Евмения остается впечатление, которое проще всего выражается детским восклицанием: «И это все? Я хочу еще!» Может быть, в этом секрет ее очарования – ведь иг. Евмений, работая еще и в области ценностно-ориентированной сказкотерапии, с удивительным мастерством умеет будить в душе своего слушателя и читателя удивление доверчивого ребенка. Но цифра «1» на обложке – как утешение и обещание – все еще будет, все впереди.

Дорога в самом начале и дальше мы пойдем вместе.

Итак, сразу две книги, очень близкие по содержанию, появились нынешним летом на книжных прилавках – Йорга Мюллера, психотерапевта, принявшего монашество, и игумена Евмения – монаха, ставшего психотерапевтом.

Две руки, протянутые навстречу друг другу, навстречу пастве и пациентам, жаждущим душевного попечения.

ЛИТЕРАТУРА

- Белорусов С.А. *Религиозное консультирование* // *Московский психотерапевтический журнал*, № 1, 1999.
- Игумен Евмений. *Пастырская помощь душевнобольным* // *Христианский собеседник*, вып. 48, изд. Макариево-Решемской обители, 1999.
- Кондрашенко В.Т., Донской Д.И. *Общая психотерапия*. Минск, «Выэйшая школа», 1997. 463 с.
- Мюллер Йорг. *Бог Он иной. Независимая психиатрическая ассоциация*, М., 1998, 122 с.
- Роджерс К. *Взгляд на психотерапию. Становление человека*. М., «Прогресс», «Универс», 1994, 478 с.
- Ялом Ирвин. *Лечение от любви. Библиотека психологии и психотерапии*, вып.21, М., «Класс», 1997, с.21.